

Текст · 26 мая 2022, 08:03

Петр Рузавин,

Харьков — железобетон. Как город пережил три месяца обстрелов, а окрестные села — оккупацию

За несколько недель до вторжения я был в Харькове и готовил репортаж^[1] о том, как на фоне постоянных сообщений о предстоящем нападении живет город, расположенный всего в 40 километрах от границы с Россией. Спустя три месяца судьбы четырех героев того материала — социолога, местного депутата, журналиста и владелицы бара — отчасти отражают то, как Харьков отреагировал на российское вторжение.

Двое, не имея никакого военного опыта, ушли на фронт (один из них еще в конце февраля в ответ на мой вопрос прислал сообщение, что теперь он ненавидит русских и никогда не простит нас за эту войну). Третий уехал в Полтаву и оттуда помогает военным и волонтерам. В Харькове осталась только Светлана Резван, теперь уже бывшая владелица бара в центре города.

Разрушенный дом в Салтовке, Харьков. Фото: Петр Рузавин / Медиазона

Светлана жила на Салтовке, это огромный спальный район на северо-востоке города, где до войны жила примерно треть харьковчан. Салтовка сильнее всего пострадала от обстрелов российской армии, особенно от «Градов». Светлана вспоминает, что 24 февраля проснулась от того, что их девятиэтажка из-за взрывов ходила ходуном. Обзвонила родственников и друзей, чтобы выяснить, все ли с ними в порядке. После этого муж сказал: «Пока» — и хлопнул дверью.

Только через месяц они смогли поговорить. Так Светлана узнала, что ее муж ушел на фронт.

«Три дня в подвале с ребенком, — вспоминает она. — А потом старший сын прорвался, с другого конца города смог выехать. Приехал, вывез меня, какое-то время мы были за городом. Все эти дни я на город смотрела. Каждую ночь я стояла и смотрела на дикую стену огня, смотрела, как горит город. Это не столб, не один очаг. Это была стена, дичайшая стена пламени».

Светлана смотрела на город и рыдала от злости: «Страх прошел очень быстро. Страх очень быстро трансформировался в злость, в собранность и в понимание, что дальше нужно пахать, работать. Это были первые дни. Сначала мы решали первую проблему, мы собирали семьи, мы вывозили близких, мы помогали тем, кто нуждался в этой помощи. Мы понимали, что многие люди, особенно на окраинах города, застряли и не могут даже выехать».

Она осталась в городе и занялась волонтерством, как и многие другие люди в Харькове.

Салтовка. «Дикари» и «дом Барби»

Павлу Куштыму 42 года, он выпускник консерватории, играл на духовых в симфоническом оркестре оперного театра. Работал и на мебельной фабрике, открыл даже свой маленький магазин по реставрации. На пятый день войны Павлу даже пришла СМС, что он выиграл тендер на реставрацию мебели.

Павел Куцтым на фоне разрушенного дома в Салтовке, Харьков. Фото: Петр Рузавин / Медиазона

Но ему уже было не до того. Павел говорит^[2], что всегда ждал вторжения: «С двухтысячных мы с братом говорили, что если кто на нас нападет — так это Россия. Все смотрели на нас как на больных. А когда Путин сказал про декоммунизацию, я сразу брату сказал: давай собирать запасы продуктов на пару недель и будем смотреть, где наше бомбоубежище на районе».

Ничего подходящего рядом со своим домом на Салтовке, кроме здания районной школы, он не нашел. В первые дни Павел с братом думали записаться в территориальную оборону, но увидели, что «люди по улице идут и идут, кто-то босиком, и решили тогда в школе укрывать людей». В школьном подвале укрывались от обстрелов около 600 человек, среди них, по словам Павла, 78 детей. В первую очередь наладили поставки медикаментов и продуктов, выстроили систему безопасности.

«Проверяли, кто приходит, был страх, что много агентов, диверсантов, паранойя, — объясняет он. — Тех, кто приходит, мы сначала связывали, все проверяли и только потом пускали полноценно».

Павел стал комендантом убежища в школе: «Набрали группу безопасности, два человека по два часа дежурят. Проверяем паспорта. Любителей русского мира, у кого там "Одноклассники" на телефоне, не отпускаем, передаем теробороне. Мы поймали больше 20 людей, передали их, шестерых местные копы нам подтвердили, что да, диверсанты. Солдаты их вывезли потом».

Для охраны района, вспоминает Павел, собрали амуницию, оставшуюся там от разбитых частей Росгвардии, которые везли в Харьков разгонять демонстрации. Электрошокеры и дубинки — чтобы давать отпор группам мародеров, которые стали еще одной проблемой для города.

«Начали их ловить, — рассказывает он. — Мы их очень много поймали. Я называю нашу команду "салтовские дикари". Поделили дома по районам и мониторили. Передавали копам. На вторую неделю они нам сказали, что уже не будут приезжать и забирать их. Сказали: просто привязывайте их к столбам, чтобы приучить, а потом отпускайте».

Позже он начал заниматься организацией эвакуации людей из Харькова в Австрию, Литву, Польшу. Людей старшего поколения, которые боялись уезжать далеко, отправляли в Полтавскую и Днепропетровскую области: «Вчера был переломный момент, когда я пришел к директору школы и сказал,

что всех вывезли, было 600 — стало шестеро, сдал ключ. Это было на день рождения моей мамы».

«Дом Барби» в Салтовке, Харьков. Фото: Петр Рузавин / Медиазона

Нельзя сказать, что весь Харьков — это город-руина, но такое описание отчасти подходит некоторым районам Северной Салтовки. Проходя мимо разрушенного дома, Павел замечает: «А это "дом Барби", мы его так для удобства называем. Потому что не все знают, у кого какие номера, а этот назвал — и

сразу понятно. У него с улицы все видно: вон люстра, вон диванчик». Из подъезда «дома Барби» выходит мужчина с двумя сумками вещей. Говорит, вернулся в город, зашел посмотреть, что осталось из пожитков, а потом собирается записываться в территориальную оборону.

Салтовка в середине мая стоит перекопанная. Работники коммунальных служб восстанавливают перебитые линии электропередачи, газ, по всему району не прекращаются субботники — местные жители разгребают дороги и дворы от осколков стекол и обломков стен.

Некоторые части Салтовки восстановлению уже не подлежат, например дома по улице Натальи Ужвий. Ситуация там настолько плохая, что, в отличие от остальных частей города, не работает даже мобильная связь. Павел предупреждает, что тут надо осторожно ходить по газонам: в траве могут лежать неразорвавшиеся снаряды. Впрочем, из разрушенных домов доносятся звуки уборки и шуршание вернувшихся владельцев квартир.

Вдалеке слышны взрывы. «Я это называю песней, — говорит Павел. — Такие звуки — это выход наших^[3]. Песня — это хорошо».

Разрушенные дома в Салтовке, Харьков. Фото: Петр Рузавин / Медиазона

Когда проходим мимо очередного разрушенного дома, моя жена, украинская журналистка Наталка Гуменюк, узнает его. В этой части Салтовки она была в марте и как раз из этого дома забрала тогда дедушку, которого случайно встретила на улице, об этом мы рассказывали во втором эпизоде подкаста «Хуй войне!». Через окна видно, что квартира этого дедушки полностью сгорела.

Какое-то время идем в молчании. Спрашиваю:

— А вот если описать нынешний Харьков коротко, сейчас он что?

— Харьков — железобетон, — Павел показывает пальцем на нашивку с этой фразой на его бронежилете. — Потому что он местами такой серенький, построен из бетона. Ну, и он железобетон, потому что его не взяли. И уже и не возьмут.

Малая Рогань. «Я отвечаю: "Только через мой труп". Военный: "Сейчас сделаем"»

Западные аналитики считают, что украинская армия уже выиграла битву за Харьков и Россия оставила попытки захватить город. Но боевые действия в области, кажется, еще далеки от завершения.

Основные сражения идут на севере от Харькова, в направлении российской границы, и на востоке — по направлению к Изюму, который армия России захватила и превратила в плацдарм для наступления на Донбасс. По словам главы областной администрации Олега Синегубова, под оккупацией находится примерно четверть всей Харьковской области.

Село Малая Рогань. Фото: Петр Рузавин / Медиазона

Село Малая Рогань расположено как раз на пути от Харькова к Изюму. Оно было захвачено еще в конце февраля и находилось под оккупацией около месяца. В 300 метрах от въезда в село, на холме, видны разбитые

позиции российских военных. Стоит сожженная техника, разбросаны вещи и оружие. В окопах лежат двое мертвых российских солдат. На вздувшемся трупe — ватник, валенки и шапка-ушанка.

По селу разбросаны сожженные танки и БТРы, на полянке валяется подбитый вертолет. Некоторые сельские дома целиком разрушены артиллерийскими попаданиями. У одного из домиков латают дыры в стене двое местных. В двух метрах от них на обочине — противотанковые мины, еще не деактивированные. Мины прикрыты доской, чтобы случайно не наехала машина.

Во время оккупации в селе оставались около 400 жителей (до войны их было три тысячи). С продуктами им помогала местная депутатка Любовь Злобина, она единственная представительница местных властей, кто не сбежал, когда пришла российская армия. У Злобиной большая ферма, работники, скот. При въезде стоит поломанная техника: машина с простреленными окнами и подорвавшийся на mine трактор. Любовь Ивановна встречает нас в олимпийке с украинским гербом.

Сожженный танк в селе Малая Рогань. Фото: Петр Рузавин / Медиазона

«В самом начале оккупации они хотели встать здесь, пришли, открыли ворота, — показывает^[4] она. —

Бронетранспортер и еще две машины. Говорят, нам надо помещение. Отвечаю, что тут же скотина стоит, ко мне не заедешь, у меня тут люди. Некуда ставить. Говорят, все равно будем заезжать. Я им отвечаю: "Только через мой труп". Военный говорит: "Сейчас сделаем" — и автомат перещелкивает. А я ляпнула, ну есть же такое выражение — "через мой труп". Я его просто сказала не подумав. У меня аж ноги подкосились».

За месяц в Малой Рогани, по словам депутатки, российские военные убили несколько человек — например, снайпер застрелил как минимум двоих, когда они просто шли по улице. Большая часть жителей укрывалась от обстрелов в местной школе. В один день туда спустилась группа солдат. По рассказам очевидцев, один из них, пьяный, вывел

и изнасиловал местную девушку. Это был первый, но далеко не последний ставший известным случай изнасилования украинок российскими военными.

«Мы их между собой называли немцами, — говорит Любовь Злобина. — На ферме мы укрывались в погребе, ночевали все тут, 15 человек. Как-то они к нам пришли, выстроили в подвале у стенки. Один солдат стоит, гранату держит, вижу, что выпивший. Сейчас, думаю, будет убивать».

По ее словам, военные часто были «то пьяные, то обкуренные»: «Водку давай нам. Разграбили все магазины. К нам приходили, брали все, что хотели. У них пайка было на три дня. Убивали людей. Выстрелили в спину мужчине и не давали забирать недели три, чтобы все видели. Среди них были разных национальностей. Говорили по-русски. Был совсем молодой парень, я думала, ему на вид лет 15, а он мне сказал, так, с гордостью, что ему в сентябре будет 18. То есть и несовершеннолетние были».

Напившись, вспоминает Любовь Ивановна, солдаты начинали стрелять по солнечным батареям на ферме. «Хотят поиграться — кидают на крышу огнеметом. И мы бегаем с бочкой воды, тушим. И так раз десять было», — возмущается она.

Но в сравнении с другими старостами и депутатами в оккупированных селах ей еще повезло — многих там просто убивали. «У нас тут был предатель, — вспоминает Злобина. — Он сдавал позиции [украинских военных российской армии], они по ним били. И вот [по его наводке] через неделю после начала оккупации солдаты ко мне пришли,

сказали, мы знаем, что вы националистка, мы с вами разберемся позже. Но не успели, выбили их».

— А сколько вам лет?

— 63-й год мне. Мне тут на день рождения как раз прилетели специально несколько снарядов. Они перед отходом уже в конце марта выстрелили. 140 голов скота погибло.

Слатино. «С 9 мая начали очень крепко мстить»

«Разгоняйся и езжай не на моторе, без газа. Но максимально быстро. Нежелательно, чтобы слышна машина была. Тут хватает, чтобы долетело. Нам этот участок проскочить бы. Проскакивай. Здесь посадки нет, просматривается все. И опусти стекла. При взрывной волне стекло разлетается. Чтобы осколки не попали под кожу. Я всегда езжу с открытыми стеклами. Холодно — не холодно, зато безопасно», — инструктирует волонтер Сергей^[5], пока мы едем по Дергачевскому району в поселок Слатино к северу от Харькова.

Разрушенный дом культуры в Дергачах. Фото: Петр Рузавин / Медиазона

С самого начала войны Сергей развозит местным жителям продукты и вещи. До войны он работал на железной дороге, занимался обслуживанием составов. Мы встретились с ним в Дергачах, где пару дней назад разбомбили местный дом культуры, в котором хранилась гуманитарка. У разрушенного здания работают пожарные и спасатели, оно еще дымится. Местный мэр Вячеслав Задоренко предполагает, что российские военные просто увидели, что вокруг здания все время что-то происходит, что-то привозят, и решили ударить на всякий случай. По его словам, никаких военных запасов в ДК не было. Зато в здании укрывались люди, в подвале находится бомбоубежище. По счастливому стечению обстоятельств ДК обрушилось с обратной от входа в бомбоубежище стороны, и никто не погиб.

Едем в Слатино. Это село не было полноценно оккупировано, но находилось в серой зоне, по селу

ездили части российских военных. Сергей говорит, что недавно через группы в соцсетях к нему обратились с просьбой привезти туда памперсы для лежачего старика.

Разрушенные дома в поселке Слатино. Фото: Петр Рузавин / Медиазона

«Поселку крепко досталось, — говорит он. — Жертв много. Но народ уже начинает возвращаться. Сначала я много возил гуманитарки, потом упало до 24 человек, моих подопечных, кому возил. Было такое, что по четыре раза за день мотался, вывозил людей на Харьков. Пару раз попадал под обстрел ДРГ^[6]».

— Какой была ситуация последние два с половиной месяца?

— Стреляли. Играли в пейнтбол, с одной стороны на другую перелетали [снаряды]. Было такое, что и ДРГ поселок обстреливали ракетами. Очень жарко было.

— А спокойнее теперь стало?

— Наоборот. Когда вывод [российских военных] произошел, они со злости стали обстреливать нас больше. Последние две недели, с 9 мая, начали очень крепко мстить. До этого были редкие прилеты. С 9-го числа только одна ночь была более-менее спокойная. В пять-шесть утра каждый день они желают доброго утра так крепенько, потом в течение дня и под вечер. И начинают ночью.

Слатино — поселок вокруг железнодорожной станции. Там сейчас ни света, ни газа. В доме, куда попросили привезти памперсы, калитку открывают мужчина и женщина.

— Мы к вам, привезли гуманитарку деду.

— Заходите, заходите. У него сегодня день рождения, как раз 92 года!

Татьяна, ей 62 года, ведет в дом, в комнату, где лежит именинник. Он почти не двигается и ни на что не реагирует. От взрывов вдалеке ощущение, что дом немного потряхивает. «С 9 мая постоянно так бьют, — говорит Татьяна. — Все время. Мы уже и не пугаемся, инстинкт выработался. Снаряды над нами все туда-сюда летают».

Фото: Петр Рузавин / Медиазона

Большинство соседей убежали из поселка, продолжает она, а им с лежащим стариком и деться-то некуда. «Я всю жизнь на железной дороге проработала, на станции о поездах объявляла, — рассказывает о себе Татьяна. — Сама из-под Киева, училась в Харькове, в советское время работала в Белгороде. У нас тут [в Слатино] тоже ходили люди, говорили, вот "русский мир" придет, бесплатный газ будет. А сейчас что? Ни газу, ни света. Но мы выживем, мы держимся. Приезжали, кстати, иностранные журналисты, спрашивали, а что, притесняют тут русскоязычных, правда ли это. А я вот считаю, захотим на китайском говорить — выучим и на китайском будем говорить. Если хотим на русском — мы балакаем на русском. Я вот балакаю суржилом. И никто нас не трогает. Кто не понял, переспросит».

На прощание она настаивает, чтобы волонтер Сергей взял с собой куриные яички. Тот соглашается,

говорит, есть еще кому завезти в поселке, у кого с продуктами проблема.

Кутузовка. «Здрасьте. Поздравляем, вы в Российской Федерации»

Спецвыпуск «Комсомольской правды». Фото: Петр Рузавин / Медиазона

На полу в клубе поселка Кутузовка, где жили российские солдаты, лежит спецвыпуск «Комсомольской правды» от конца февраля. Газету с огромным заголовком «Терпеть дальше было нельзя. Что заставило Президента России принять решение

о проведении военной спецоперации на Украине» находили в разных частях Украины. Военным ее выдавали в качестве агитматериалов как для самих солдат, так и для обоснования вторжения среди местного населения. Рядом с газетой разбросаны георгиевские ленточки, ватники, ящики из-под боеприпасов.

По Кутузовке, поселку к востоку от Харькова, нас водит местный житель Константин^[7]. Поселок был под оккупацией 42 дня. Стоят разбитые пятиэтажки. Возле одной из них горит небольшой факел — перебит газопровод.

До войны Константин работал ветеринаром на ферме. Его мама — местная уроженка, и он к ней переехал год назад. Константин говорит, что «одним местом чуял»: скоро война, и за несколько дней до вторжения обменял свой мобильный на инсулин для мамы. «Все равно потом военные отбирали», — добавляет он.

В самом начале войны на подъездах к Кутузовке разбили колонну российской техники. «Если б не разбили, точно бы в Харькове была», — говорит Константин. Военные заходили в поселок дважды.

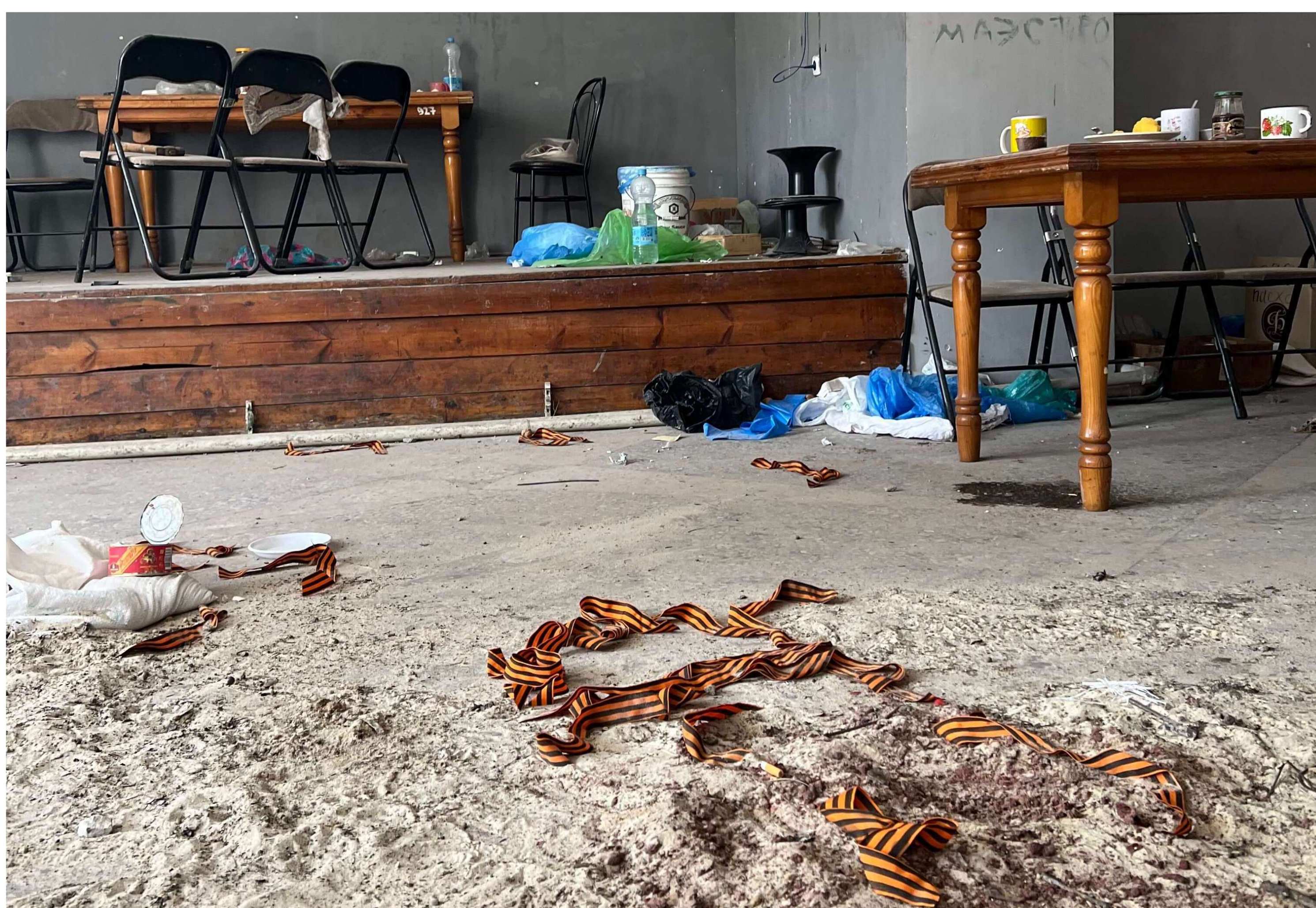
Житель Кутузовки Константин. Фото: Петр Рузавин / Медиазона

«Сначала 7 марта заходила серьезная группа военных, разведчиков, человек 70, — вспоминает он. — Пушки, пулеметы, хотели брать Харьков. Я был в это время на ферме. Видел этих чуваков, я шел телят кормить. Подходят такие двое: "Здрасьте. Поздравляем, вы в Российской Федерации". Отвечаю: "О, класс, и что надо делать? Хлопать?". Они спрашивают: "А что ты такой веселый?" — "А что мне, плакать? У меня тут две тысячи коров, солярки нет. Может, дадите солярки?"».

8 марта они обстреляли Кутузовку, жути нагнать. 9-го ушли. А 16 марта пришли эти, донбасские, началась оккупация. И пробыли 42 дня. До 16 марта можно было выехать легко, а после — только если уже в Белгород, в Россию».

По словам Константина, во время оккупации в поселке были в основном мобилизованные мужчины с Донбасса: «Ну, они обычные такие, кто-то лазал пьяный, кто-то просто ходил. Особо мы не взаимодействовали, единственное, заставляли носить белые ленты. Говорят, если не будет белых лент, снайперы вас убьют. Насилия не было, но воровство было масштабное. Правда, квартиры, кто в них оставался, не трогали».

Он говорит, что за это время погибли около семи местных, но в основном от обстрелов уже в конце оккупации, когда российские военные покидали поселок.

Разрушенный дом культуры в Кутузовке. Фото: Петр Рузавин / Медиазона

Подойдя к зданию местного клуба, ДК, Константин рассказывает, что здесь жили «командировочные» российские военные, они с донбасскими не очень взаимодействовали, ротировались по 70 человек. «Только смотрите под ноги, тут еще не работали минеры», — предупреждает он.

Местные жители прятались от обстрелов в здании неподалеку — в детском садике. Оккупации и обстрелов села нет уже несколько недель, но около 12 человек до сих пор продолжают жить в подвале. Они боятся покидать его, как и те, кто провел три месяца в харьковском метро.

Харьков. «Вопреки всему, назло всем, он выжил и выстоял»

В середине мая Харьков — город все еще по большей части пустующий, тут немного людей на улицах, это город военных и закованных окон. Мэр города Игорь Терехов **говорит**, что разрушены или повреждены около 30 процентов жилых многоэтажек.

Рестораны, как и магазины, почти все закрыты, но продуктовые и аптеки работают. В отличие от Киева, в Харькове сильно пострадали не только окраины, но и исторический центр — по нему российская армия была прицельно, некоторые дома полностью уничтожены. В Харькове светит солнце и сияет голубое небо, но фоном все время слышен грохот — обстрелы к северу и востоку. Несмотря на это, в город каждый день сейчас возвращаются, по разным оценкам, до 40 тысяч человек. До войны в Харькове жили от полутора до двух миллионов человек, в марте, когда было самое напряженное

время, количество жителей сократилось примерно в два раза.

Харьковское метро — один из главных символов этой войны. В нем укрывались от бомбардировок на протяжении трех месяцев тысячи людей. Туда же начиная с марта стали приезжать артисты и устраивать концерты в качестве поддержки жителей. 16 мая городские власти запустили наземный транспорт и анонсировали запуск метро. Однако люди — по приблизительным оценкам, около четырех тысяч человек — которые безвылазно провели в подземке эти месяцы, выходить наружу не спешили. Опасались, что снаружи небезопасно.

Харьковское метро. Фото: Петр Рузавин / Медиазона

На станции «Героев Труда» почти у каждой лежанки или раскладушки стоят цветы, собранные на поверхности. Работницы метро моют полы, люди лежат или сидят, переговариваются между

собой или уткнулись в телефоны. Несколько раз в день волонтеры приносят им еду. Женщина лет пятидесяти (у нее лежанка на ступеньках) говорит, что их скоро будут выгонять, а снаружи все еще прилетают ракеты.

«Тут по центру люди-то гуляют. А у нас на Салтовке все еще обстреливают, — опасается она. — Что обстреливают? Непонятно, какой смысл. Надежда [на более спокойную жизнь в Харькове] есть, конечно, но хотелось бы, чтобы быстрее это все закончилось».

Опасения не совсем беспочвенные: за несколько дней, проведенных мною в городе, за две ночи подряд только в центральной части Харькова упало несколько снарядов. Вернуться в квартиру, говорит эта женщина в метро, она не может, квартира находится в злополучной Северной Салтовке. Впрочем, мэр Терехов уверяет, что для таких людей придуманы схемы временного размещения и всем помогают. 24 мая, спустя ровно три месяца после начала российского вторжения, метро все же было запущено, а люди вышли на поверхность.

Со Светланой Резван мы разговариваем в гастробабе в центре города, как и три месяца назад, когда я расспрашивал ее о предвоенном Харькове. Сейчас ее бар пустует, продукты вывезли. Он не работает, но хотя бы не пострадал при обстрелах города. Светлана говорит, что даже немного скучает по тому Харькову, что был в марте, в первые недели войны — не пустующий, но напряженный и натянутый, где все друг другу друзья и помощники.

Центр Харькова. Фото: Петр Рузавин / Медиазона

Три месяца назад Светлана упоминала, что с родней в России особо не общается. Отвечая на вопрос, как изменилось ее отношение к россиянам после начала вторжения, она ненадолго задумывается.

— Честно, сложный вопрос. Мы просто как в разных цивилизациях живем. Я не понимаю, например, российское общество, но оно мне и неинтересно. По сути, чем живут россияне, кто у них плохой, кто хороший.

— А после войны вы останетесь в Харькове? Мне некоторые друзья местные говорят, что нахрен, несмотря на то, что здесь они выросли, тут у них все, но так близко жить к российской границе — нахрен.

— Мы, к сожалению, потеряем очень много людей, хороших людей, потому что жизнь одна, она коротка. У нас есть дети, у нас есть какие-то цели и желание самореализоваться в жизни. Война в чем-то

разрушила, отодвинула, но жизнь же на этом не закончилась. И я считаю, что люди имеют право это выбирать. Я однозначно останусь здесь. Мне хочется, чтобы этот город жил еще больше. Я была очень многим недовольна, скажем, нашей местной властью, нашими мэрами. Но вот сейчас я хочу, чтобы этот город вопреки всему, назло всем, он выжил, выстоял. Выстоял и выжил. Харьков всегда был какой-то связующей точкой, точкой сборки всей Украины. Украинского языка стало больше, но тем не менее и на русском общаются спокойно. Друг друга не стреляем за это. Харьков здесь. При этом я точно могу сказать, что после окончания войны Харьков станет украиноязычным. Это уже произошло, это произойдет больше, и мы между собой просто общаемся на украинском. Ну, не потому, что это назло кому-то — это как-то само собой произошло.

Редактор: Егор Сковорода

-
1. Он был опубликован телеканалом «Дождь», но сейчас недоступен: после того как власти России закрыли канал, «Дождь» скрыл весь свой архив.
 2. Павел говорит на украинском языке, мы приводим цитаты в переводе на русский.
 3. То есть работа артиллерии Вооруженных сил Украины.
 4. Любовь рассказывает на украинском языке. Мы приводим ее цитаты в переводе на русский.
 5. Попросил не называть его фамилию.
 6. Диверсионно-разведывательной группы.
 7. Он не называл свою фамилию.